

КАРСОН

МАККАЛЛЕРС

*СЕРДЦЕ –
ОДИНОКИЙ ОХОТНИК*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Карсон Маккаллерс

Сердце – одинокий охотник

«Издательство АСТ»

«ФТМ»

1940

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маккаллерс К.

Сердце – одинокий охотник / К. Маккаллерс — «Издательство АСТ», «ФТМ», 1940 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-114767-9

Маленький южный городок 1930-х, задыхающийся от скуки, жары и скрытой ненависти. Городок, в котором ничего не происходит – и в то же время происходит слишком многое. Городок, где разбиваются сердца. Здесь происходит печальная драма одиночества глухонемого мудреца Джона Сингера и трагедия доктора Копленда, позволившего себе забыть, что значит быть черным на Юге. Здесь тлеет недовольство жизнью в Бифе Бреннане – благополучном хозяине преуспевающего кафе. И здесь, к несчастью, довелось расти и взрослеть талантливой девочке Мик Келли...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114767-9

© Маккаллерс К., 1940

© Издательство АСТ, 1940

© ФТМ, 1940

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Карсон Маккаллерс

Сердце – одинокий охотник

Carson McCullers

THE HEART IS A LONELY HUNTER

© The Estate of Carson McCullers and Columbus State University's Carson McCullers Center
for Writers and Musicians

© Перевод. Е. Гольшева, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Часть 1

Глава 1

В городе было двое немых, они всегда ходили вместе. По утрам они рано появлялись на улице и под руку шли на работу. Приятели были люди совсем разные. Тот, что вел другого, был тучный, мечтательный грек. Летом он носил желтую или зеленую тенниску, небрежно заправленную в брюки спереди и вылезавшую сзади. Когда становилось прохладно, он надевал мешковатый серый свитер. На его круглом, лоснящемся лице с полуприкрытыми веками всегда сияла добродушная глупая улыбка. Другой немой – высокий, с живым и умным выражением глаз – был одет скромно и безукоризненно чисто.

Каждое утро приятели медленно шагали рядом, пока не выходили на главную улицу города. Дойдя до фруктово-кондитерской лавки, они приостанавливались на тротуаре. Грек Спирос Антонапулос работал у своего двоюродного брата, владельца этого магазина. В его обязанности входили изготовление конфет и сладостей, распаковка ящиков с фруктами и уборка помещения. Высокий немой, Джон Сингер, прощаясь, клал руку на плечо товарищу и заглядывал ему в лицо. Потом он переходил на другую сторону улицы и продолжал свой путь до ювелирного магазина, где гравировал столовое серебро.

В сумерках друзья встречались опять. Сингер подходил к фруктовому магазину и дожидался, когда Антонапулос сможет пойти домой. А грек в это время либо лениво вскрывал ящик с персиками или дынями, либо просто разглядывал комиксы за перегородкой, где он готовил сладости. Перед уходом Антонапулос брал бумажный кулек, который днем прятал на одной из полок. Туда он потихоньку складывал всякую снедь: какой-нибудь фрукт или хвостик ливерной колбасы. Перед уходом Антонапулос, переваливаясь, подплывал к стеклянной витрине, где были выставлены колбасные изделия и сыры. Он отодвигал заднюю стенку, и его толстая рука любовно нашаривала там какой-нибудь особенно лакомый кусочек. Иногда двоюродный брат, которому принадлежала лавка, этого не замечал. Но, заметив, в упор смотрел на родича, и на его костлявом бледном лице появлялась угроза. Тогда Антонапулос уныло перекладывал заветный кусочек с одного края витрины на другой. Сингер при этом стоял очень прямо, засунув руки в карманы и отвернувшись в сторону. Он не любил присутствовать при этой маленькой сцене между двумя греками. Ведь не считая выпивки и довольно невинного порока, которому он предавался в одиночестве, Антонапулос больше всего на свете любил покушать.

В сумерках двое немых неторопливо шагали домой. Дома Сингер без устали разговаривал с Антонапулосом. Руки его вычерчивали слова быстрыми жестами, а лицо при этом было крайне оживленное, и зеленовато-серые глаза ярко блестели. Своими худыми, сильными руками он «рассказывал» Антонапулосу обо всем, что случилось за день.

Антонпулос сидел, лениво развываясь, и смотрел на Сингера. Если он и шевелил руками, а это бывало редко, то только для того, чтобы сказать, что ему хочется есть, спать или выпить. Эти свои три желания он выражал одними и теми же неопределенными, неуклюжими движениями. Перед сном, если он не был слишком пьян, он становился возле кровати на колени и молился. Потом его пухлые руки изображали «Святой Иисус», или «Боже», или «Миленькая Дева Мария». Вот и все слова, которые Антонапулос употреблял. Сингер не был уверен, что его друг понимает то, что он ему говорит. Но это не имело значения.

Они занимали вдвоем верхний этаж маленького домика неподалеку от торговой части города. У них было две комнаты. В кухне на керосинке Антонапулос готовил еду. Для Сингера там стояли прямые жесткие кухонные стулья, а для Антонапулоса – мягкая кушетка. В спальне

помещались большая двуспальная кровать тучного грека со стеганым пуховым одеялом и узкая железная койка Сингера.

Ужинали всегда долго, потому что Антонапулос любил поесть и вообще был очень медлителен. После еды тучный грек разваливался на кушетке и медленно вылизывал языком каждый зуб в отдельности – либо для фасона, либо потому, что ему хотелось подольше насладиться вкусом пищи, а Сингер мыл посуду.

Иногда по вечерам немые играли в шахматы. Сингер любил эту игру и когда-то пытался научить ей Антонапулоса. Сначала его друг вовсе не интересовался, зачем ему надо передвинуть ту или иную фигуру на доске. Тогда Сингер стал держать под столом бутылочку с чем-нибудь горячительным и угощать партнера после каждого урока. Грек так и не усвоил капризных ходов коня и победоносной подвижности ферзей, но все же научился делать положенные начальные ходы. Он предпочитал белые фигуры и отказывался играть, если ему выпадали черные. После того как бывал разыгран дебют, Сингер продолжал партию сам, а друг его сонно поглядывал на доску. Если Сингер делал блестящий ход против собственных фигур и объявлял мат черному королю, Антонапулос радовался и был необычайно горд.

У немых не было друзей, и все свободное от работы время они проводили вдвоем. Дни их мало отличались друг от друга, потому что они постоянно бывали одни и ничто не нарушало их покоя. Раз в неделю они отправлялись в библиотеку, где Сингер брал очередной детективный роман, а по пятницам ходили в кино. В получку они всегда навевались в фотоателье над Армейским магазином, где снимок стоил десять центов: Антонапулос любил сниматься. Вот и все места, которые они регулярно посещали. В городе было немало уголков, куда они ни разу даже не заглянули.

Город был расположен в самом сердце Юга. Лето продолжалось долго, а зимние холода – один или два месяца. Небо почти всегда ослепительно сияло лазурью, а солнце нестерпимо пекло. Потом шли зябкие ноябрьские дожди, за ними иногда наступал морозец – недолгие холодные недели. Зимой погода стояла переменчивая, а летом всегда палило знойное солнце. Город был довольно большой. По Главной улице на несколько кварталов тянулись двух- и трехэтажные магазины и конторы. Но самыми внушительными зданиями города были фабрики, где работала основная часть населения. Эти прядильные фабрики росли и процветали, но большинство рабочих в городе жили очень бедно. На улицах часто встречались лица, полные голодного отчаяния и тоски.

Однако двое немых вовсе не ощущали тоски. Дома они с удовольствием ели и пили, а Сингер оживленно делился с другом всем, что было у него на уме. Так спокойно протекало время, пока Сингеру не исполнилось тридцать два года и они не прожили тут с Антонапулосом десять лет.

И вдруг грек заболел. Он сидел на кровати, прижимая руки к толстому животу, и по щекам его катились крупные и маслянистые слезы. Сингер сообщил об этом его двоюродному брату, хозяину фруктовой лавки, а сам попросил отпуск. Доктор прописал Антонапулосу диету и сказал, что ему нельзя больше пить вино. Сингер непреклонно выполнял предписания врача. Он целыми днями просиживал у постели больного друга и всячески старался его развлечь, но Антонапулос только искоса сердито на него поглядывал. Ничто не могло его развеселить.

Грек капризничал, ему не нравились фруктовые напитки и блюда, которые готовил ему Сингер. Он то и дело просил, чтобы Сингер помог ему слезть с кровати помолиться. Толстые ягодицы свисали на небольшие пухлые ступни, когда он стоял на коленях. Он шевелил пальцами, стараясь изобразить «Миленькую Деву Марию», а потом со страхом хватался за медный крестик на грязной веревочке, висевший у него на груди. Он долго стоял, закатив глаза к потолку, а потом дулся и не позволял другу с собой разговаривать.

Сингер был терпелив и делал все, что мог. Он рисовал картинки и раз даже изобразил своего товарища, чтобы его насмешить. Но тучного грека портрет обидел, и успокоился он,

только когда Сингер представил его совсем молодым, красивым, с ярко-золотыми волосами и небесно-голубыми глазами. Но и тогда он постарался не показать своего удовольствия.

Сингер так прилежно ухаживал за своим другом, что через неделю Антонапулос смог вернуться на работу. Но с тех пор жизнь друзей пошла по-другому. Они потеряли покой.

Антонапулос больше не болел, но очень изменился. Он стал раздражительным и уже не желал мирно проводить вечера дома. Когда он выходил в город, Сингер не оставлял его ни на минуту. Антонапулос шел в ресторан и, пока они сидели за столиком, украдкой прятал в карман куски сахара или перечницу и столовый прибор. Сингер всегда платил за то, что брал Антонапулос, и все обходилось мирно. Дома он выговаривал другу, но тучный грек лишь невозмутимо улыбался.

Шли месяцы, и причуды Антонапулоса становились все опаснее. Однажды в полдень он спокойно вышел из фруктового магазина своего двоюродного брата, пересек улицу и стал мочиться у стены Первого национального банка на глазах у прохожих. Встречая людей, чьи лица ему не нравились, он нарочно налетал на них, толкаясь животом и локтями. Как-то он зашел в магазин и выволок оттуда, не заплатив за него, торшер, а в другой раз попытался стащить с прилавка игрушечный электрический поезд.

Для Сингера настало очень тяжелое время. В обеденный перерыв он то и дело водил Антонапулоса в суд, чтобы улаживать его противозаконные выходки. Сингеру пришлось хорошо изучить судебные порядки, и он не знал ни минуты покоя. Деньги, которые он откладывал, были истрачены на штрафы и залого. Все свои силы и средства он употреблял на то, чтобы спасти друга от тюрьмы за такие преступления, как кражи, нарушение общественного порядка и драки.

Родственник, у которого Антонапулос работал, не желал вмешиваться во все эти дела. Чарлз Паркер (таково было имя, которое он себе взял) не увольнял своего двоюродного брата, но неотступно следил за ним с угрозой на бледном костлявом лице и не ударил палец о палец, чтобы ему помочь. Сингер испытывал незнакомое ему чувство к Чарлзу Паркеру. Он его недолюбливал.

Сингер жил в постоянной тревоге и волнениях. Но Антонапулос был по-прежнему невозмутим: что бы ни случилось, с лица его не сходила добрая, безвольная улыбка. В прежние годы Сингер видел в улыбке друга мудрость и душевную глубину. Он никогда толком не знал, что у него на уме и многое ли достигает его сознания. А теперь лицо толстого грека, на взгляд Сингера, стало выражать хитрость и лукавство. Сингер без усталости тряс приятеля за плечи и в сотый раз втолковывал ему одно и то же руками. Но все было бесполезно.

Деньги у Сингера кончились, и ему пришлось попросить в долг у ювелира, у которого он работал. Однажды он не смог внести за Антонапулоса залог, и тот провел целую ночь в тюрьме. Когда Сингер зашел за ним на другой день, вид у грека был очень надутый. Он не хотел уходить из тюрьмы. Ему понравился бекон и кукурузная лепешка с патокой. Понравились ему и постель, и соседи по камере.

Они жили так одиноко, что Сингеру неоткуда было ждать помощи в беде. Антонапулоса ничто не трогало, и он никак не желал отучиться от своих выходок. Дома он иногда готовил новое блюдо, которое ел в тюрьме, а на улице никогда нельзя было предсказать, что он сейчас выкинет.

Потом с Сингером стряслась настоящая беда.

Однажды вечером, когда он зашел во фруктовую лавку за Антонапулосом, Чарлз Паркер вручил ему письмо. Там было сказано, что Чарлз добился того, чтобы его двоюродного брата поместили в сумасшедший дом в двухстах милях отсюда. Паркер использовал свои связи, и все было улажено. Антонапулос отправится в сумасшедший дом на будущей неделе.

Сингер несколько раз перечитал письмо и просто оторопел. Чарлз Паркер что-то говорил ему из-за прилавка, но он даже не пытался читать слова у него по губам. Наконец Сингер написал на листе блокнота, который постоянно носил в кармане:

«Этого нельзя допустить, Антонапулос должен остаться со мной».

Чарлз Паркер сердито помотал головой. Он с трудом объяснялся по-английски.

– Не ваше дело, – твердил он Сингеру. Сингер понял, что все кончено. Грек боялся, что в один прекрасный день ему придется отвечать за родственника. Чарлз Паркер не слишком хорошо знал английский язык, но цену американскому доллару он знал отлично и употребил свои доллары и свое влияние на то, чтобы двоюродного брата поскорее уехали в сумасшедший дом.

Сингер не мог этому помешать.

Всю следующую неделю он провел в лихорадочной суете. Сингер говорил, говорил безостановочно. И хотя его руки все время были в движении, он не успевал высказать всего, что ему хотелось сказать. Он должен был поделиться с Антонапулосом всем, что передумал и почувствовал, и на это не хватало времени. Его серые глаза горели, а подвижное умное лицо выражало крайнее волнение. Антонапулос сонно на него поглядывал, и Сингер не знал, понимает ли его друг то, что ему говорят.

И вот настал день, когда Антонапулосу надо было уезжать. Сингер вынул свой чемодан и аккуратно уложил туда лучшее из того, что было у них обоих, Антонапулос приготовил себе на дорогу еду. Под вечер они в последний раз прошлись под руку по улице. Был конец ноября, погода стояла холодная, и в воздухе от их дыхания поднимались облачка пара.

Чарлз Паркер должен был сопровождать двоюродного брата, но на станции он держался особняком. Антонапулос взобрался в автобус и удобно развалился на одном из передних сидений. Сингер смотрел на него через окно и в последний раз что-то отчаянно объяснял жестами. Но Антонапулос так сосредоточенно проверял, все ли положено в картонку с провизией, что ему было не до Сингера. Только перед тем, как автобус тронулся, он обернулся к Сингеру. Улыбка его была безмятежной и рассеянной – словно их уже разделяло множество миль.

Следующие недели прошли для Сингера как во сне. Весь день он работал за рабочим столом ювелирного магазина, а вечером в одиночестве возвращался домой. Больше всего ему хотелось спать. Как только он приходил к себе, он ложился на койку и старался заснуть. Ему снились сны. И во всех его снах присутствовал Антонапулос. Руки Сингера судорожно дергались, потому что во сне он всегда разговаривал с греком и Антонапулос на него глядел.

Сингер пытался вспомнить те годы, когда он еще не знал своего друга. Он пересказывал себе то, что происходило с ним в молодости. Но все, что ему удавалось вызвать в памяти, казалось призрачным.

Был в его прошлом один факт, который он помнил отлично, хотя и не придавал ему значения. Дело в том, что Сингер был глух с самого младенчества, но не всегда был совсем немым. Он очень рано остался сиротой и попал в заведение для глухих. Там он научился разговаривать руками и читать. Ему еще не было девяти лет, а он умел разговаривать одной рукой по американской системе и пользоваться обеими руками, как в Европе. Он научился следить за движением чужих губ и понимать, что они произносят. И наконец его стали учить там разговаривать.

В школе он считался очень способным учеником. Он быстрее всех учил уроки. Но он так и не привык произносить слова губами. Для него в этом было что-то неестественное, собственный язык казался ему неповоротливым, как кит. По недоумевающему взгляду людей, к которым он обращался, Сингер понимал, что либо голосом он напоминает какое-то животное, либо в его речи есть что-то отвратительное. Ему было мучительно трудно разговаривать ртом, но руки всегда были готовы выразить любые слова, какие ему хотелось. В двадцать два года он приехал из Чикаго в этот южный город и почти сразу же познакомился с Антонапулосом. С тех

пор он никогда больше не разговаривал с другом, потому что для общения с другом в этом не было нужды.

Все казалось ему призрачным, кроме десяти лет, проведенных с Антонапулосом. В своих полуснах он видел друга очень отчетливо и, проснувшись, страдал от острого, сосущего одиночества. Он посылал Антонапулосу посылки, но никогда не получал ответа. И так, пусто и сонно, тянулись месяц за месяцем.

Весной с Сингером произошла перемена. Он перестал спать, и в теле его поселилось какое-то беспокойство. По вечерам он мерно вышагивал по комнате, чтобы хоть как-то справиться с непривычным приливом энергии. Отдыхал он всего несколько часов перед рассветом – разом погружался в сон, который длился до тех пор, пока в его веки не начинал бить, как кинжал, утренний свет.

Сингер коротал вечера, гуляя по городу. Ему было невтерпеж оставаться в комнатах, где они жили с Антонапулосом, и он поселился в захудалом пансиончике поближе к центру.

Питался он в ресторане по соседству. Этот ресторан, в двух кварталах от его дома, был расположен в конце Главной улицы и назывался «Кафе «Нью-Йорк». В первый день он быстро проглядел меню, написал короткую записочку и вручил ее хозяйину:

«По утрам на завтрак я хочу яйцо, гренки и кофе – 15 центов.

На обед: суп (любой), хлеб с мясом и молоко – 25 центов.

Пожалуйста, подавайте мне на ужин три овощных блюда (любых, кроме капусты), мясо или рыбу – 35 центов.

Спасибо».

Хозяин прочел записку и кинул на Сингера настороженный, но тактичный взгляд. Это был суровый человек среднего роста, с такой густой и темной бородой, что нижняя часть лица казалась отлитой из чугуна. Обычно он стоял в углу за кассой, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за тем, что творится в его заведении. Сингер хорошо изучил его лицо, потому что ел за одним и тем же столиком трижды в день.

Каждый вечер немой часами бродил один по улицам. Ночи бывали холодные: дул резкий, сырой мартовский ветер, и шел сильный дождь. Но это его не смущало. Походка у него была слегка дергающаяся, руки он засовывал глубоко в карманы брюк. Шли недели, и дни становились томительно теплыми. На смену нервному беспокойству постепенно пришло изнеможение, и весь облик немого теперь выражал глубокий покой. На лице появилось тихое раздумье, что чаще встречается у людей очень печальных или очень мудрых. Но он по-прежнему шагал по городским улицам молча и всегда один.

Глава 2

Темной душной ночью в начале лета Биф Бреннон стоял за кассой «Кафе «Нью-Йорк». Была уже полночь. На улице погасли фонари, и свет из кафе резким желтым квадратом лежал на тротуаре. Город опустел, но в кафе пять или шесть посетителей еще пили пиво, вино «Санта-Лючия» или виски.

Биф невозмутимо ждал, облокотившись на стойку и потирая большим пальцем кончик длинного носа. Глаза его смотрели внимательно. Особенно пристально он следил за приземистым, коренастым человеком в комбинезоне, который напился и буянил. Время от времени он переводил взгляд на него, сидевшего в одиночестве за столиком посреди зала, или на посетителей у стойки. Но внимание его постоянно приковывал пьяный в комбинезоне. Время было позднее, однако Биф продолжал все так же молча чего-то ждать. Наконец, в последний раз оглядев ресторан, он направился к задней двери, ведущей наверх.

Он тихо вошел в комнату над лестницей. Там было темно, он старался не шуметь. Сделав несколько шагов, он наткнулся ногой на что-то твердое и, наклонившись, нащупал ручку стоявшего на полу чемодана. Он пробыл в комнате всего несколько секунд и уже собирался выйти, как вдруг зажегся свет.

Алиса села на смятой постели и поглядела на него.

– Не тронь чемодан! – сказала она. – Неужели не можешь и так избавиться от этого полоумного? Хочешь подарить ему то, что он уже пропил?

– А ты поднимись и ступай вниз сама. Зови полицию, пусть он хлебает гороховый суп в арестантских ротах... Валяй, миссис Бреннон, действуй!

– И позову, если завтра его здесь увижу! А чемодан не тронь. Он уже не его, этого дармоеда!

– Видел я на своем веку дармоедов. Блаунт не такой, – сказал Биф. – Может, себя я даже хуже понимаю, чем его. И чего-чего, а чемоданов я никогда не крал.

Биф спокойно вынес чемодан за дверь на лестницу. В комнате воздух был не такой спертый, как внизу. Он решил, прежде чем снова спуститься вниз, передохнуть и ополоснуть лицо холодной водой.

– Я тебе говорила, что я сделаю, если ты сегодня же не избавишься от этого типа. Целые дни дрыхнет в задней комнате, а по вечерам ты кормишь его ужином и поишь пивом. Вот уже неделя, как он не платит ни цента. А его бредовые выходки могут погубить любое порядочное заведение.

– Ты не знаешь людей и не знаешь, как надо вести настоящее дело, – сказал Биф. – Парень пришел сюда ровно двенадцать дней назад, и в городе у него нет знакомых. За первую неделю он оставил у нас двадцать долларов. Минимум двадцать.

– А потом все в долг, – сказала Алиса. – Пять дней в долг, и такой пьяный, что позорит заведение. А главное, кто он такой – бродяга, да еще ненормальный вдобавок!

– Я люблю ненормальных, – сказал Биф.

– Еще бы! Вам такие и должны нравиться, мистер Бреннон, вы-то с ними одного поля ягода.

Он только потирал синеватый подбородок, не обращая внимания на ее слова. Первые пятнадцать лет брака они звали друг друга просто Биф и Алиса. Но потом, как-то раз поссорившись, стали величать один другого «мистер» и «миссис» и с тех пор так до конца и не помирились и не перешли на прежнее обращение.

– Я тебя предупреждаю: когда утром я спущусь вниз, чтобы и духа его здесь не было.

Биф зашел в ванную и, умывшись, решил, что у него есть время побриться. Щетина была такая густая и черная, словно он не брился дня три. Он стоял перед зеркалом и задумчиво тер

щеку. Он жалел, что заговорил с Алисой. Лучше было промолчать. Эта женщина всегда выводила его из себя. И он превращался в такого же грубого, мелочного и вульгарного человека, как она. Глаза Бифа смотрели холодно, пристально и цинично из-под приспущенных век. На мизинце мозолистой руки он носил женское обручальное кольцо. Дверь за его спиной была открыта, и в зеркале отражалась лежавшая на кровати Алиса.

– Послушай, – сказал он. – Беда твоя в том, что нет в тебе душевной доброты. Из всех женщин, каких я встречал, только у одной и была эта самая доброта.

– Ну, милый, за тобой я знаю такое, что любой бы со стыда сгорел. Знаю, как ты...

– А может, все дело в любознательности. Ты ведь никогда не видишь самого важного. Не наблюдаешь, не задумываешься, ничего не стараешься понять. Может, вот в чем мы не сходимся...

Алиса уже засыпала, и он отчужденно глядел на нее в зеркало. Во всем ее облике ничто не останавливало взгляда – от бесцветных волос до похожих на обрубки ног под одеялом. Мягкие линии лица повторялись в округлостях живота и бедер. Когда ее не было рядом, он не мог вспомнить ни одной ее черты в отдельности: перед ним вставал целый, ничем не примечательный образ.

– Ты никогда не умела получать удовольствие от того, что видишь, – сказал он.

Голос у нее был усталый:

– Да, этот тип внизу и правда настоящее зрелище, ну прямо цирк! Но видеть его я больше не желаю!

– Черт возьми, а мне-то до него, по правде сказать, какое дело? Он мне не брат и не сват. Но разве ты поймешь, как интересно подмечать разные мелкие черты, а потом вдруг добраться до самой сути? – Он пустил горячую воду и поспешно стал бриться.

Джейк Блаунт появился у него утром 15 мая. Он сразу его приметил и стал за ним наблюдать. Незнакомец был маленького роста, с могучими, как балки, плечами и редкими усиками – нижняя губа под ними выглядела пухлой, словно его укусила оса. Он был ужасно нескладный. Крупная, правильной формы голова сидела на нежной и по-детски тонкой шее. Усы выглядели накладными, словно их наклеили для маскарада и они свалятся, если их обладатель слишком быстро заговорит. Усы его очень старили, хотя лицо с высоким, гладким лбом и широко раскрытыми глазами казалось совсем молодым. Руки были большие, мозолистые, с вьезшейся грязью, и одет он был в дешевый белый полотняный костюм. В общем, это был презабавный субъект, но что-то не позволяло над ним потешаться.

Он заказал виски и выпил его, ничем не разбавляя, за полчаса. Потом сел в одну из кабинок и сытно поужинал курицей. А после стал читать книгу, потягивая пиво. С этого все и началось. И хотя Биф сразу обратил внимание на Блаунта, ему и в голову не приходило, как странно все сложится потом. Он никогда еще не видел человека, который столько раз менялся за двадцать дней. Он никогда еще не видел, чтобы человек так много пил и так долго не протрезвлялся.

Биф, приподняв большим пальцем кончик носа, стал брить верхнюю губу. Покончив с бритьем, он почувствовал на лице прохладу. Когда он шел через спальню вниз, Алиса уже спала.

Чемодан оказался тяжелым. Он вынес его в ресторан и поставил за кассу, где сам обычно стоял по вечерам. Потом придирчиво оглядел зал. Несколько посетителей ушли, и в зале стало попросторнее, но в общем ничего не изменилось. Глухонемой по-прежнему пил кофе за одним из центральных столиков. Пьяный продолжал разглагольствовать. Он не обращался ни к кому в особенности, и никто его не слушал. Сегодня вместо грязного полотняного костюма, который он носил последние двенадцать дней, на нем был синий комбинезон. Носков на ногах не было, из-под штанин торчали исцарапанные, заляпанные грязью лодыжки.

Биф внимательно прислушивался и ловил обрывки его монолога. Пьяный опять что-то плел насчет политики. Вчера ночью он рассказывал о местах, где он побывал, – о Техасе, Оклахоме и обеих Каролинах. А раз он завелся насчет борделей, и шутки его стали до того сальными, что Бифу пришлось подsunуть ему бутылку пива, чтобы он заткнулся. Но по большей части никто толком не понимал, о чем он болтает. Говорит, говорит, говорит... Слова потоком лились из его рта. Притом у него то и дело менялось произношение, менялся набор слов. Иногда он разговаривал как вахлак, иногда – как профессор. То употреблял слова длиною в целый фут, то путался в грамматике. Трудно было определить, из какой он среды или местности. Он менялся, как хамелеон. Биф задумчиво поглаживал кончик носа. В речах его не было логики, последовательности, которая обычно сопутствует уму. А парень-то умен, это факт, хотя перекакивал с одного на другое без видимой причины. Все время его куда-то заносит.

Биф оперся о стойку и стал просматривать вечернюю газету. Заголовок извещал, что после четырехмесячных дебатов совет старейшин решил, что освещение улиц на особо опасных перекрестках не может оплачиваться из местного бюджета. Левую колонку занимал отчет о войне на Дальнем Востоке. Биф прочел оба сообщения с равным вниманием. Глаза его пробежали печатные строки, но краем уха он настороженно следил за сумятицей, то и дело возникавшей в разных концах зала. Прочтя заметки, он полуприкрыл глаза, но головы не поднял. Ему почему-то стало беспокойно. Непонятно, что делать с этим парнем, но к утру надо до чего-то с ним договориться. К тому же Бифа не покидало предчувствие, что сегодня ночью что-то произойдет. Этот тип в конце концов непременно сорвется!

Биф почувствовал, что у входа кто-то стоит, и быстро поднял глаза. В дверь заглядывала светловолосая длинноногая девчонка лет двенадцати. На ней были шорты защитного цвета, синяя рубашка и теннисные туфли – с первого взгляда ее можно было принять за мальчишку. Увидев ее, Биф отложил газету и, когда она к нему подошла, улыбнулся.

– Привет, Мик. Что, девочки-скауты собирались?

– Нет, – сказала она. – Я там не состою.

Уголкем глаза Биф заметил, что пьяница стукнул кулаком по столу и отвернулся от собеседников. Когда Биф обратился к стоявшей перед ним девчонке, голос у него вдруг сел:

– А твои знают, что тебя до сих пор нет дома? Ведь уже первый час.

– Ничего. Мы с ребятами сегодня долго играли возле нашего дома.

Биф ни разу не замечал, чтобы она приходила сюда со своими сверстниками. Несколько лет назад девчужка вечно таскалась за своим старшим братом. В семье Келли не было недостатка в детях. Позже она появлялась, волоча за собой пару сопливых ребятишек в повозочке. Но если она не нянчила младших и не ходила следом за старшими, она бродила одна. Сейчас девочка стояла, словно еще не решив, зачем пришла. Она то и дело откидывала со лба влажные белобрысые волосы.

– Дайте, пожалуйста, пачку сигарет. Самых дешевых.

Биф хотел что-то сказать, но смешался и сунул руку под стойку. Мик вынула платок и стала развязывать узелок, где она держала деньги. Она дернула кончик платка, мелочь рассыпалась и покатила по полу к Блаунту, который стоял, что-то бормоча себе под нос. Он удивленно воззрился на монеты, но, прежде чем девчонка успела их поднять, неуклюже присел и стал собирать деньги. Тяжело подойдя к стойке, он побренчал в кулаке двумя пенни, пятицентовиком и монетой в десять центов.

– Семнадцать центов за сигареты?

Биф молчал, а Мик переводила взгляд с одного на другого. Пьяница столбиком сложил монеты на стойке и, словно оберегая их от покушения, прикрыл большой грязной лапой. Потом медленно взял пенни и стукнул им о стойку.

– Пять монет белым голодранцам, которые выращивали зелье, и пять болванам, которые его резали, – сказал он. – Один цент тебе, Биф. – Потом он сощурился, чтобы не двойлось

в глазах и можно было прочесть надписи на пяти-десятицентовых монетках. Он шупал их пальцами и вертел на стойке волчком. Наконец отодвинул их от себя. – И это – смиренная дань вольности. Демократии и тирании. Свободе и разбою.

Биф спокойно собрал деньги и со звоном кинул их в кассу. Мик явно не хотелось уходить. Она окинула пьяницу долгим взглядом, а потом посмотрела на середину зала, где за столиком в одиночестве сидел немой. Вслед за ней и Блаунт посмотрел туда же. Немой тихо сидел за своим стаканом пива, рассеянно чертя по столу обгорелой спичкой.

Первым заговорил Джейк Блаунт:

– Чудно, вот уже три или четыре ночи кряду этот парень мне снится. Ну просто не дает мне покоя. Вы заметили, что он никогда ничего не говорит?

Биф редко обсуждал одних посетителей с другими.

– Да, не говорит, – уклончиво ответил он.

– Чудно.

Мик переступила с ноги на ногу и сунула пачку сигарет в карман шорт.

– И вовсе не чудно, если его немножко знаешь, – сказала она. – Мистер Сингер у нас живет. Снимает комнату в нашем доме.

– Разве? – спросил Биф. – А я... я этого не знал.

Мик пошла к двери и ответила на ходу, не оборачиваясь:

– Ну да. Живет у нас уже три месяца.

Биф раскатал рукава рубашки, потом аккуратно закатал их снова. Он не сводил глаз с Мик, пока она не вышла за дверь. И несколько минут после ее ухода все продолжал одергивать рукава, глядя в черный проем двери. Потом скрестил руки на груди и снова стал наблюдать за пьяным.

Блаунт тяжело опирался о стойку. Он ошалело тарашил свои карие, подернутые влагой глаза. Ему необходимо было помыться – от него воняло как от козла. На потной шее выступили грязные капельки, а лицо было вымазано каким-то маслом. Губы были толстые, красные, каштановые волосы спутались и прилипли ко лбу. Он все время оттягивал короткий, не по росту, комбинезон.

– Послушайте, пора взяться за ум, – не выдержал Биф. – Нельзя же ходить в таком виде. Удивляюсь, как вас еще не загребли за бродяжничество. Время уже протрезвиться. Вымойтесь, постригитесь. Господи спаси! стыдно же показываться людям на глаза.

Блаунт нахмурился и закусил нижнюю губу.

– Ну-ну, нечего обижаться и лезть в бутылку. Послушайте меня. Ступайте в кухню и скажите негру, чтобы налил вам в большой таз горячей воды. Пусть Вилли даст полотенце и мыло. Помойтесь как следует. Потом выпейте молока с сахаром. Откройте свой чемодан и наденьте чистую рубашку и брюки, которые вам впору. А завтра пойдете куда надо, найдете работу по вкусу и начнете жить, как все люди.

– Знаете, что я вам скажу? – пьяным голосом огрызнулся Блаунт. – Идите-ка вы к...

– Полегче, – спокойно произнес Биф. – Никуда я не пойду. И ведите себя прилично.

Биф отошел к краю стойки и принес два стакана разливного пива. Пьяный так неловко взял свой стакан, что облил пивом руки и стойку. Биф потягивал свое пиво не торопясь, с наслаждением. Он пристально глядел на Блаунта из-под полуопущенных век. Блаунт не сумасшедший, хотя поначалу и производит такое впечатление. Что-то в нем покалечено, хотя, когда вы внимательно в него вглядываетесь, все как будто на месте. Значит, отличие от других людей не телесное, а духовное. Он похож не то на человека, долго просидевшего в тюрьме, не то на бывшего студента Гарвардского университета, не то на изгоя, который много лет прожил среди иностранцев, в Южной Америке. Люди вроде него либо побывали там, куда прочие не заглядывают, либо делали то, чего другие обычно не делают.

Биф склонил голову к плечу и спросил:

– Вы откуда?

– Ниоткуда.

– Где-то ведь вы родились – в Северной Каролине... в Теннесси, в Алабаме... Ну, где-нибудь.

Взгляд у Блаунта был мечтательный, рассеянно-пьяный.

– В Каролине, – сказал он.

– Видно, повидали свет, – тактично попытался прощупать его Биф.

Но пьяный его не слушал. Он отвернулся от стойки и мутно уставился на пустую темную улицу. А немного погодя двинулся к двери широким неверным шагом.

– Adios! – крикнул он, не оглядываясь.

Биф снова остался один и по привычке окинул внимательным взглядом свои владения. Шел второй час ночи, и в ресторане оставалось только четверо или пятеро посетителей. Немой все так же сидел один за столиком посреди зала. Биф машинально перевел на него взгляд и встряхнул опивки у себя в стакане. Допив пиво одним долгим глотком, он снова принялся за расстеленную на стойке газету.

Но теперь ему трудно было сосредоточиться на том, что он читал. Он думал о Мик. Надо ли было продавать ей сигареты и правда ли, что ребятам вредно курить? Он вспоминал, как Мик щурит глаза и откидывает ладонью со лба волосы. Он вспоминал ее ломкий, мальчишеский голос и привычку подтягивать шорты защитного цвета, выламываясь, как ковбой из кинофильма. Он вдруг почувствовал нежность. На душе у него было смутно.

Биф беспокойно опять поглядел на Сингера. Немой сидел, засунув руки в карманы, недопитое пиво стало теплым и мутным. Надо будет угостить его перед уходом глоточком виски. Биф сказал Алисе правду: ему нравились ненормальные. Он испытывал какую-то особую приязнь к больным и увечным. Стоило войти в ресторан человеку с заячьей губой или чахоткой, как он тут же угощал его пивом. Если же посетителем был горбун или явный калека, он бесплатно поил его виски. А одному парню, которому при взрыве котла оторвало мужской член и левую ногу, Биф, когда тот приезжал в город, неизменно ставил целую бутылку. Будь Сингер пьющий, он получал бы выпивку за полцены. Биф кивнул как бы в подтверждение этой мысли. Потом он аккуратно сложил газету и убрал ее под стойку, к другим газетам. В конце недели он отнесет все их в чулан за кухней, где хранятся пачки вечерней газеты за двадцать один год без единого пропуска.

В два часа ночи Блаунт снова вошел в ресторан. Он привел с собой высокого негра с черным саквояжем в руке. Пьяный хотел подвести его к стойке выпить, но негр сразу же ушел, как только понял, зачем его привели. Биф узнал его: это был негритянский доктор, который практиковал здесь, в городе, с незапамятных времен. Он состоял в каком-то родстве с Вилли, работавшим на кухне. Биф заметил, что перед уходом негр кинул на Блаунта взгляд, полный жгучей ненависти.

А пьяный стоял как ни в чем не бывало.

– Разве вы не знаете, что черномазых нельзя водить туда, где пьют белые? – спросил один из посетителей.

Биф наблюдал за этой сценой издали. Блаунт очень разозлился; теперь было видно, как он пьян.

– Я сам наполовину черномазый, – огрызнулся он.

Биф насторожился; в зале стало тихо. Из-за его широких ноздрей и глаз навывкате словам Блаунта можно было и поверить.

– Во мне есть и черномазый, и макаронник, и китаеза, и полячишко. Всего понемногу.

В ответ послышался смех.

– Я и голландец, и турок, и японец, и американец. – Он выписывал кренделя вокруг столика, где немой пил кофе. Говорил он громко, надтреснутым голосом. – Я из тех, кто все видит. Я – чужак в чужой стране.

– А ну-ка потише, – сказал ему Биф.

Блаунт не обращал внимания ни на кого, кроме немого... Они не сводили друг с друга глаз. Взгляд у немого был холодный и ласковый, как у кошки, и казалось, что он слушает всем своим телом. Пьяный все больше входил в раж.

– Ты один в этом городе меня понимаешь, – говорил Блаунт. – Вот уже два дня я с тобой мысленно разговариваю, ведь только ты понимаешь, что у меня на уме.

В одной из кабинок засмеялись над тем, что пьяный по неведению выбрал себе в собеседники глухонемого. Биф то и дело кидал на них двоих пронзительные взгляды и внимательно прислушивался.

Блаунт присел к столику и наклонился к Сингеру:

– На свете есть те, кто видит, и те, кто не видит. И на десять тысяч слепых есть только один зрячий. Это чудо из чудес, что миллионы людей, так много видя, не видят главного. Как в пятнадцатом веке, когда все верили, что земля плоская, и только Колумб да еще несколько ребят знали истину. Но разница вот в чем: тогда нужен был талант, чтобы догадаться, что земля круглая. А эта истина так очевидна, что просто диву даешься, почему люди только ее не видят. Понял?

Биф облокотился на стойку и с любопытством спросил Блаунта:

– Чего не видят?

– Ты его не слушай, – сказал Блаунт. – Черт с ним, с этим косолапым, волосатым, въедливым ублюдком. Потому что, когда встречаемся мы, те, кто видит, – это праздник. Но этого почти никогда не бывает. А если и встречаемся, то иногда и не догадываемся, что другой тоже видит. Вот в чем беда. Со мной так бывало не раз. А ведь нас, сам понимаешь, так мало...

– Масонов? – спросил Биф.

– Ну ты, заткнись! Не то руки-ноги повыврываю! – заорал Блаунт. Он пригнулся к нему и понизил голос до пьяного шепота: – Почему же это так? Почему на земле это чудо невежества продолжается? А вот почему. Заговор. Огромный подрывной заговор. Мракобесие.

В кабинке все еще смеялись над пьяным, который пытается вести разговор с немой. Только Биф не смеялся. Ему надо было удостовериться, что немой понимает то, что ему говорят. Тот часто кивал, и лицо его выражало раздумье. Он просто туго воспринимает чужие слова, только и всего. Блаунт продолжал разглагольствовать насчет слепых и зрячих. Отпускал какие-то шуточки. Немой улыбался не сразу, а через несколько секунд после того, как было сказано что-нибудь смешное, и потом, когда разговор снова принимал мрачный оборот, улыбка чересчур долго не сходила с его лица. В этом немом было что-то прямо сверхъестественное. Он приковывал к себе взгляд даже раньше, чем люди осознавали, что он не такой, как все. Глаза его смотрели так, будто он слышит то, чего другие никогда не слышат, и знает многое, о чем никто даже не подозревает. Он был не похож на обычных людей.

Джейк Блаунт навалился на столик, и слова у него полились, словно внутри прорвало плотину. Биф его уже не понимал. Язык у Блаунта заплетался от выпитого, и говорил он с таким азартом, что звуки сливались в какое-то месиво. Биф спрашивал себя, куда он пойдет, когда Алиса его выгонит. А утром она его выгонит, это уж точно.

Биф устало зевнул, похлопав по раскрытому рту пальцами: у него свело челюсть. Время уже подходило к трем, к самому мертвому часу суток.

Немой был терпелив. Он слушал Блаунта уже около часа. Но теперь и он стал поглядывать на стенные часы. Блаунт этого не замечал и продолжал говорить без умолку. Наконец он сделал паузу, чтобы свернуть себе сигарету, и тогда немой кивком показал на часы, улыбнулся своей

еле приметной улыбкой и встал из-за стола. Руки его, как всегда, были засунуты в карманы. Он быстро вышел из ресторана.

Блаунт был так пьян, что не сразу это заметил. До него не дошло даже то, что немой ему не отвечает. Он озирался по сторонам; рот у него был открыт, глаза бессмысленно выпучены. На лбу вздулась вена, он сердито заколотил кулаками по столу. Да, так дальше продолжаться не может.

– Подите-ка сюда, – добродушно позвал Биф. – Ваш приятель ушел.

Но Блаунт все еще разыскивал взглядом Сингера. За все время он еще ни разу не был так мертвецки пьян. Вид его не предвещал ничего хорошего.

– У меня тут для вас кое-что есть, и я хотел бы с вами поговорить, – улещивал его Биф.

Блаунт кое-как поднялся из-за столика и широким шагом, враскачку вышел на улицу.

Биф прислонился к стене. Туда-сюда, туда-сюда... В конце концов, какое ему дело? В ресторане было очень пусто и тихо. Минуты тянулись медленно. Он устало уронил голову на грудь. В зале постепенно воцарился покой. Стойка, лица, кабинки и столики, радио в углу, жужжащие вентиляторы на потолке – все это словно замерло и становилось призрачным, неподвижным.

Он, вероятно, задремал. Кто-то тряс его за локоть. Наконец он очнулся и поднял голову – чего от него хотят? Перед ним в колпаке и длинном белом переднике стоял негр Вилли – он работал у него на кухне. Негр заикался от волнения и с трудом выговаривал слова:

– А он как стал б-б-б-бить кулаком по к-к-кирпичной стене...

– Ты о ком?

– Да там, в переулочке... через д-д-два дома от нас...

Биф выпрямился и поправил галстук.

– Что?

– Они собираются сюда его нести, вот-вот ввалятся...

– Вилли, – терпеливо сказал Биф, – начни с самого начала и объясни толком, в чем дело.

– Да этот белый коротышка, с ус-с-сами...

– Ну да, мистер Блаунт.

– Я и не видел, с чего поднялся крик-шум. Стою у черного хода и слышу, там какая-то свалка. Похоже, в переулке большая драка идет. Я п-п-п-побежал поглядеть. Вижу, этот белый вконец спятил, расвирепел, как кабан. Бодает кирпичную стену, молотит по ней кулаками. Ругается. Сроду не видел, чтобы белый так дрался. И с кем? Со стенкой. Да ведь мог запросто себе расшибить башку. Но тут на шум подошли еще двое белых. Стали и смотрят...

– Ну, а потом?

– Да... и потом этот немой джентльмен... ну, он еще держит руки в карманах... тут вот сидит...

– Мистер Сингер?

– Он тоже подошел и встал рядом – поглядеть, в чем дело. А мистер Б-б-блаунт увидел его да опять как закричит, как заговорит! И вдруг ни с того ни с сего хлоп на землю. Может, и вправду раскроил себе голову. Подошел п-п-полицейский, а кто-то ему возьми да скажи, что мистер Блаунт проживает здесь...

Биф наклонил голову и мысленно привел в последовательность то, что услышал. Он задумчиво потер кончик носа.

– Вот-вот сюда ввалятся, – продолжал Вилли. Потом подошел к двери и выглянул на улицу. – Глядите, идут! А его волоком тащат.

Десяток зевак и полицейский разом пытались протиснуться в ресторан. Снаружи стояли две проститутки и заглядывали в окна. Смешно: стоит чему-нибудь случиться – и вдруг неизвестно откуда собирается пропасть народу.

– Нечего зря поднимать суматоху, – сказал Биф. Он поглядел на полицейского, который поддерживал пьяного. – Остальным я советовал бы разойтись.

Полицейский усадил пьяного на стул и выпроводил зевак на улицу. Потом он обратился к Бифу:

– Мне сказали, что он живет у вас.

– Нет. Но мог бы и жить.

– Хотите, чтобы я его забрал?

Биф рассудил:

– Сегодня он больше скандалить не будет. Конечно, отвечать я за него не хочу, но, моему, он утихомирится.

– Ладно. Я еще загляну перед концом дежурства.

Биф, Сингер и Джейк Блаунт остались втроем. Впервые с тех пор, как привели Блаунта, Биф мог его по-настоящему разглядеть. Он, по-видимому, сильно разбил себе челюсть. Блаунт привалился к столу, прикрыв ручищей рот и раскачиваясь. На голове была ссадина, с виска текла кровь. Суставы на пальцах были ободраны, и весь он был так грязен, словно его выволокли за шиворот из канавы. Из него как будто выпустили воздух. По другую сторону столика сидел немой и внимательно смотрел на него серыми глазами.

Тут Биф увидел, что челюсть у Блаунта вовсе не разбита, а рот он прикрывает потому, что у него дрожат губы. По его грязному лицу катились слезы. Он искоса поглядывал на Бифа и Сингера, сердясь, что они видят, как он плачет. Им стало неловко. Встретясь взглядом с немой, Биф пожал плечами и поднял брови, словно спрашивая: что делать? Сингер только склонил голову набок.

Биф был в растерянности. Он перебирал в уме, что бы ему предпринять. Пока он раздумывал, немой что-то начал писать на оборотной стороне меню:

«Если вы не знаете, куда его деть, он может пойти ко мне. Но сначала хорошо бы дать ему супу или кофе».

Биф с облегчением закивал.

Он поставил на стол три порционных блюда из вчерашнего ужина, две миски супа, кофе и сладкое. Но Блаунт есть не желал. Он не отнимал рук от лица, словно губы были самым срамным местом на теле и он боялся его показать. Дышал он прерывисто, со стонами, и его могучие плечи конвульсивно вздрагивали. Сингер жестами предлагал ему одно блюдо за другим, но он только мотал головой, не отнимая рук от лица.

Биф отдельно произнес, чтобы немой мог прочесть по губам:

– Истерика...

Пар от супа поднимался Блаунту в лицо, и немного погодя он дрожащей рукой потянулся за ложкой. Он съел суп и немного сладкого. Его толстые губы все еще дрожали, и он низко склонялся над тарелкой.

Биф это заметил. Он подумал, что почти у каждого человека есть часть тела, которую он особо бережет. У него это руки. Маленькая Мик вечно одергивает перед кофты, чтобы материя не терла молодые, нежные груди, которые у нее начинают расти. У Алисы это волосы; она не пускала его к себе спать, когда он втирал себе в кожу на голове масло. А у него самого?

Биф медленно повернул кольцо на мизинце. Он-то, во всяком случае, знает, чего ему больше не надо беречь. Да. Уже не надо. Лоб его прорезала глубокая складка. Рука в кармане нервно дернулась вниз. Он засвистел какой-то мотив и встал из-за стола. Смешно, что эту привычку он сразу и у других примечает.

Двоем они подняли Блаунта. Пьяный едва держался на ногах. Он больше не плакал, вид у него был угрюмый, пристыженный. Он смирно пошел с ними. Биф вытащил из-за стойки чемодан и объяснил немому, чей он и почему здесь оказался. Сингера, по-видимому, ничем нельзя было удивить.

Биф проводил их до двери.

– Возьми себя в руки и не бузи, – посоветовал он Блаунту.

Черное ночное небо начинало светлеть, и его бездонная синева предвещала новое утро. Наверху еще мерцали редкие бледные звезды. Улица была пуста, тиха и даже прохладна. Сингер в левой руке нес чемодан, а свободной поддерживал Блаунта. Он кивнул на прощание Бифу и повел пьяного по тротуару. Биф смотрел им вслед. Когда они прошли половину квартала, в синей тьме остались видны только их силуэты: прямой, четкий – немого и приземистый, качающийся – Блаунта, он держался за своего спутника. Когда оба они скрылись из виду, Биф постоял еще минуту и поглядел на небо. Эта безмерная глубина и влекла, и подавляла его. Он потер лоб и вернулся в ярко освещенный зал.

Биф вошел за кассу, лицо его застыло и стало жестким, когда он принялся перебирать в памяти все, что случилось за ночь. Он испытывал потребность что-то себе объяснить. Но, даже дотошно припоминая все обстоятельства, он чувствовал, что главное от него ускользает.

Дверь то и дело открывалась, впуская неожиданный поток ранних посетителей. Ночь кончилась. Вилли взгромоздил стулья на столы и принялся вытирать шваброй пол. Он уже настроился идти домой и пел. Вилли был лентяй. Он часто бросал работу в кухне, чтобы сыграть на губной гармошке, с которой никогда не расставался. Теперь он сонно возил по полу мокрой шваброй, напевая под нос грустную негритянскую песню.

В зале все еще было не очень много народу – в этот час те, кто не спал всю ночь, встречаются с теми, кто выспался, отдохнул и готов начать новый день. Сонная официантка подавала и пиво, и кофе. Разговоров не было слышно – каждый, казалось, был сам по себе. Взаимное недоверие между теми, кто только что проснулся, и теми, кто прободрствовал долгую ночь, создавало атмосферу отчужденности.

Здание банка напротив казалось на заре почти призрачным. Потом его белые кирпичные стены стали проступать все явственнее. И когда первые лучи солнца позолотили улицу, Биф в последний раз оглядел свое заведение и пошел спать.

Он шумно повернул ручку двери, чтобы разбудить Алису.

– Господи спаси! – сказал он. – Ну и ночька!

Алиса проснулась не сразу. Она лежала на смятой постели, как сердитая кошка, и только потягивалась. В ясном утреннем свете комната казалась убогой; шелковые чулки жалко свисали со шнура от жалюзи.

– А пьяный идиот все еще там? – спросила она.

Биф снял рубашку и осмотрел воротник, решая, можно ли ее надеть еще раз.

– Спустись сама и погляди. Я же сказал: захочешь его вытолкать – пожалуйста, мешать не буду.

Алиса сонно протянула руку и подняла с пола Библию, чистую карточку меню и учебник для воскресной школы. Она пошелестела папиросными листками Библии, нашла нужное место и стала читать вслух, тщательно выговаривая слова. Сегодня было воскресенье, и она готовилась к еженедельному уроку в классе для мальчиков при молодежном отделе церкви.

«Проходя же вблизи моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы.

И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков.

И они тотчас, оставивши свои сети, последовали за Ним» [Евангелие от Марка, I, 16–18].

Биф пошел в ванную умыться. За дверью шелестел голос Алисы, учившей Евангелие:

«...а утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

Симон и бывшие с ним пошли за Ним; и, нашедши Его, говорят Ему: все ищут Тебя» [Евангелие от Марка, I, 85–87].

Она замолчала. Биф мысленно повторил себе каждое ее слово. Ему хотелось отделить смысл этих слов от голоса произносившей их Алисы. Биф пытался припомнить текст таким,

каким его читала мать, когда он был мальчиком. Он с тоской поглядел на обручальное кольцо на своем мизинце, которое раньше принадлежало ей. И снова подумал, как бы она отнеслась к тому, что он перестал верить в Бога и ходить в церковь.

– Сегодняшний урок о том, как он собирал учеников, – сказала, готовясь к предстоящей беседе, Алиса. – И текст мы возьмем «Все ищут Тебя».

Биф разом вышел из задумчивости и, отвернув кран, пустил сильную струю воды. Он снял майку и принялся мыться. Биф соблюдал безукоризненную чистоту своего тела. Каждое утро он мылил грудь, руки, шею, а потом и ноги и только раза два в сезон принимал ванну и мыл все остальное.

Биф стоял возле кровати, с нетерпением ожидая, чтобы Алиса наконец поднялась. В окно он видел, что день сегодня будет безветренный и знойный. Алиса закончила читать свой урок. Она все еще лениво валялась поперек кровати, хотя и знала, что он ее ждет. В его душе накопилась холодная злоба. Он иронически ухмыльнулся и с горечью сказал:

– Если хочешь, я могу посидеть и почитать газету. Но я бы не возражал, если бы ты дала мне поспать.

Алиса принялась одеваться, а Биф – стелить постель. Он ловко переложил простыни – верхнюю вниз – и перевернул обе на другую сторону. Когда постель была готова, он подождал, пока Алиса выйдет из комнаты, а потом снял брюки и влез под простыню. Его ноги высывались наружу, а заросшая жесткими волосами грудь чернела на подушке. Он был рад, что не рассказал Алисе о сегодняшних выходках пьяницы. Ему хотелось с кем-нибудь поделиться: может, если изложить факты вслух, он поймет, что его так озадачило. Жалко сукина сына! Говорит, говорит, а толком объяснить ничего никому не может. Наверно, и сам себе тоже. А как он тянется к нему – прямо прилип к нему. Ну будто хочет вывернуться ради него наизнанку.

Почему?

Потому что некоторые люди способны в одну прекрасную минуту отказаться от всего личного и, прежде чем оно начнет бродить и отравит душу, кинуть его в дар какому-нибудь человеку или пожертвовать идее. Они чувствуют в этом потребность. В некоторых людях это заложено... Текст гласит: «Все ищут Тебя». Может, в этом разгадка... Возможно... Парень сказал, что он китаец. И негр, и еврей, и итальяшка. А если в это твердо поверить, может, так оно и есть. Он все, и вся, и всякий... Как он сказал.

Биф широко раскинул руки и скрестил голые ноги. Лицо его в утреннем свете, с опущенными морщинистыми веками и густой чугушной щетиной на щеках и подбородке, выглядело старше. Постепенно рот его обмяк и стал спокойнее. Желтые лучи солнца, проникая в окно, жарко освещали комнату. Биф устало повернулся на бок и прикрыл глаза руками. А он был всего-навсего Бартоломью – старым Бифом, бойким на язык и скорым на расправу, – мистером Бренноном, и больше никем.

Солнце рано разбудило Мик, хотя накануне она вернулась домой очень поздно. Стояла такая жара, что даже кофе пить не хотелось, поэтому она налила себе ледяной воды с сиропом и съела холодные оладьи. Мик немножко повозилась на кухне, потом вышла на веранду читать комиксы. Она думала, что мистер Сингер тоже сидит на веранде и читает газету, как обычно по воскресеньям. Но мистера Сингера не было, и потом папа сказал, что вчера тот пришел домой поздно ночью и что у него гость. Мик долго ждала Сингера. Все остальные жильцы давно сошли вниз, а его все не было. В конце концов она снова побрела на кухню, вынула Ральфа из его высокого стульчика, передела в чистое платьице и обтерла ему лицо. А когда вернулся из воскресной школы Братишка, она собралась с ними гулять. Мик разрешила Братишке прокатиться с Ральфом в повозочке, потому что он был босиком и раскаленный асфальт жег ему подошвы. Она тащила повозку кварталов восемь до большого нового дома, который еще не

достроили. К самой крыше была прислонена лестница, и, набравшись храбрости, Мик полезла по ней.

– Смотри за Ральфом, – крикнула она вниз Братишке, – следи, чтобы ему на глаза не садилась мошкара.

Минут через пять Мик добралась до верха и выпрямилась во весь рост. Она раскинула руки, как крылья. Кому не хотелось бы постоять на этом месте? На самом-самом верху? Да мало кто из ребят на это решится. Почти все трусят, потому что если ноги ослабнут и ты скатишься к краю, тут тебе и каюк. Кругом – крыши других домов и зеленые верхушки деревьев. На другом краю города виднелись церковные шпили и фабричные трубы. Небо было ярко-голубое и горячее как огонь. От солнца все на земле казалось либо ослепительно-белым, либо черным.

Ей захотелось петь. Все песни, которые она знала, теснились в горле, но так и не превращались в звук. Один из больших ребят забрался на прошлой неделе сюда, на самую верхушку, издал победный клич, а потом стал выкрикивать речь, которую учили в школе: «Римляне, друзья, сограждане, прошу у вас вниманья!» Когда влезешь на самый верх, почему-то всегда дичаешь и хочется кричать, петь или раскинуть руки и полететь.

Она вдруг почувствовала, что подошвы теннисных туфель заскользили, и присела, оседлав конек крыши. Дом был почти достроен. Это будет одно из самых больших зданий в округе: трехэтажное, с высокими потолками и очень крутой крышей – круче она не видела. Скоро работы будут закончены. Плотники уйдут, и детям придется искать другое место для игр.

Тут она одна. Кругом никого, тишина, и можно немножко подумать. Она вынула из кармана шорт пачку сигарет, купленную накануне, и медленно затянулась. От сигареты она стала как пьяная, голова отяжелела и плохо держалась на плечах – все равно она должна докурить.

М.К. – эти инициалы будут повсюду, когда ей исполнится семнадцать и она станет знаменитой. Она будет приезжать домой в красно-белом «паккарде» со своими инициалами на дверцах. На белье и носовых платках – повсюду будут красные метки М. К. Может, она станет великим изобретателем. Изобретет крошечные радиоприемники, величиной с горошину, и люди будут носить их в кармане и вставлять в уши. И самолеты, которые можно привязать на спину, как рюкзак, и – ж-ж-ж – лети себе да лети! А потом она первая пророеет огромный туннель через всю землю в Китай, и люди будут спускаться в него на больших воздушных шарах. Все это она изобретет для начала. Это уже задумано.

Выкурив половину сигареты, Мик погасила ее и скинула окурочек по скату крыши. Потом она наклонилась вперед, положила голову на руки и стала тихонько напевать себе под нос.

Смешно, но в голове у нее почти все время звучит музыка – фортепьянная или какая-нибудь вообще. Что бы она ни делала и о чем бы ни думала, музыка почти всегда звучит. У их жилички мисс Браун стояло в комнате радио, и всю прошлую зиму Мик по воскресеньям после обеда сидела на ступеньках веранды и слушала передачи. Играли, наверно, классическую музыку; ее почему-то она запоминала лучше всего. Особенно ту, что сочинял один музыкант. Она слушала, и у нее замирало сердце. Иногда его музыка была как цветные прозрачные леденцы, а иногда такая нежная и грустная, что и вообразить нельзя.

Вдруг послышался плач. Мик подняла голову. Ветер трепал челку у нее на лбу, а лицо на ярком солнце побледнело и стало влажным. Хныканье продолжалось, и Мик медленно на четвереньках поползла по остроконечной крыше. Добравшись до края, она легла на живот и свесила голову, чтобы посмотреть, что делается внизу, на земле.

Дети были там, где она их оставила. Братишка присел на корточки и что-то разглядывал, рядом с ним лежала черная карликовая тень. Ральф был по-прежнему привязан к повозке. Он уже умел сидеть и, держась за края повозки, заливался плачем. Капор у него сбился на сторону.

– Братишка! – крикнула вниз Мик. – Чего там нужно Ральфу, дай ему!

Братишка поднялся на ноги и сурово взглянул на младенца.

– Ничего ему не нужно.

– Тогда качни его как следует.

Мик перебралась на прежнее место. Ей хотелось подольше подумать кое о каких людях, спеть и поразмыслить о будущем. Но поганка Ральф продолжал вопить, и покоя ей уже не будет.

Она смело полезла вниз к приставленной лестнице. Скат был крутой, а дощечки, набитые для упора рабочими, далеко отстояли одна от другой. У нее кружилась голова и сердце билось так сильно, что дрожь отдавалась во всем теле. Мик приказала себе вслух: «Держись руками крепко и соскальзывай вниз, пока не упруешься правым носком, потом прижимайся и сползай влево. Спокойно, Мик, главное – спокойно!»

Спуск всегда труднее восхождения. Она долго добиралась до лестницы и там снова почувствовала себя в безопасности. Когда она наконец ступила на землю, ей показалось, что она стала меньше и ниже, а ноги у нее вот-вот подломятся. Она подпернула шорты и затянула ремень еще на одну дырку. Ральф по-прежнему плакал, но она, не обращая на него внимания, вошла в пустой новый дом.

Месяц назад на фасаде повесили табличку, что детям на этом участке играть воспрещается. Как-то вечером в доме играли ребята, и больная куриной слепотой девочка, забежав в комнату, где еще не был настелен пол, провалилась и сломала ногу. Она до сих пор лежит в больнице с ногой в гипсе. А в другой раз мальчишки похулиганистей обмочили всю стену и написали там нехорошие слова. Но сколько запретов ни вывешивай, ребят отсюда не прогнать, покуда дом не покрасят, не отделают и не вселят жильцов.

В комнатах пахло свежим деревом; подметки теннисных туфель громко шлепали, и звук отдавался по всему дому. Воздух внутри был горячий, недвижный. Мик постояла посреди передней комнаты, и вдруг ей пришла в голову идея. Порывшись в кармане, она достала два мелка – зеленый и красный.

Мик медленно выводила большие печатные буквы. Сверху она написала ЭДИСОН, а под этим – ДИК ТРЭЙСИ И МУССОЛИНИ. В каждом углу нарисовала зеленым мелом и подчеркнула красным свои огромные инициалы: М. К. Покончив с этим, отошла к противоположной стене и написала очень гадкое слово. И под ним тоже поставила свои инициалы.

Стоя в пустой комнате с мелком в руке, она разглядывала творение своих рук, чувствуя какую-то неудовлетворенность. Ей хотелось вспомнить фамилию того, кто написал музыку, которую передавали по радио прошлой зимой. Мик спросила о нем одну девочку в школе – у нее дома было пианино, и она брала уроки музыки, – а та спросила учительницу. Оказалось, что это просто-напросто мальчишка, который давным-давно жил где-то в Европе. Ну и что ж, что он просто мальчишка, ведь он все равно сочинил все эти прекрасные вещи для пианино и для скрипки, и даже для оркестра. Она могла припомнить по крайней мере шесть мелодий из тех вещей, которые она слышала. Они были быстрые и звенящие, как стеклышки, а одна похожа на запах после весеннего дождя. Но от всех от них ей почему-то становилось грустно и в то же время как-то очень хорошо.

Она напела себе одну из мелодий и вдруг – в этом жарком, пустом доме – почувствовала на глазах слезы. Горло сжалось, в нем запершило, и она больше не могла петь. Тогда она быстро написала имя этого мальчишки на самом верхе: МОТСАРТ.

Ральф тихонько сидел в своей повозочке, крепко вцепившись толстыми ручонками в края. Черная челка и черные глаза делали его похожим на китайчонка. Солнце светило ему прямо в глаза, поэтому он и ревел. Братишки нигде не было видно. Когда Ральф заметил Мик, он опять приготовился зареветь. Она откатила повозочку в тень от нового дома, вынула из кармана рубашки синий леденец и сунула его в теплый, мягкий ротик младенца.

– Ешь и знай мою доброту, – сказала ему Мик. Вообще-то, не в коня корм: Ральф еще слишком мал, чтобы понимать вкус в конфетах. Гладкий камешек понравился бы ему ничуть не меньше, но дурачок может его проглотить. Он так же плохо разбирается во вкусе, как и в словах. Когда ему говоришь, что тебе осточертело его таскать и ты готова утопить его в речке,

он принимает это за ласку. Он вообще мало в чем разбирается. Поэтому и таскать его такая скучища.

Мик сложила руки корабликом, крепко их сжала и подула в отверстие между большими пальцами. Щеки ее надулись, и сперва послышалось только шипение воздуха, прорывавшегося сквозь пальцы. Потом раздался высокий пронзительный свист, и через несколько секунд из-за угла появился Братишка.

Она отряхнула опилки с его волос и поправила капор на Ральфе. Этот капор был самой красивой частью его туалета. Он был кружевной и весь вышитый. Лента под подбородком – с одной стороны голубая, а с другой белая, – и на ушах большие розетки. Капор был мал ребенку, и вышивка натирала лоб, но Мик всегда наряжала в него Ральфа, когда везла его гулять. У Ральфа не было настоящей коляски, как у большинства детей, местных или приезжающих на лето. Его приходилось таскать в старой повозочке, которую ей подарили на Рождество три года назад. Но в красивом капоре он выглядел очень прилично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.